КАФЕДРА ВОСТОКОВЕДА

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ АФРО-АЗИАТСКОГО МИРА:
ПРЕДПОСЫЛКИ, ЭТАПЫ, МОДЕЛИ

© 2015

К. А. ФУРСОВ

В статье рассматривается комплекс предпосылок распада колониальной системы в Азии и Африке в середине 1940-х – середине 1970-х гг., дается краткий историографический обзор этой проблемы. Выделены этапы процесса деколонизации, основные модели и схемы его осуществления в разных колониальных империях. В заключение автор касается проблемы прогнозируемости деколонизации.

Ключевые слова: деколонизация, колониальная империя, метрополия, колония, национально-освободительная борьба, независимость.

Одним из главных социально-политических процессов в странах Азии и Африки первых послевоенных десятилетий стала деколонизация – получение колониями европейских держав политической независимости. Это был длительный процесс, который начался еще в последние недели Второй мировой войны, а завершился в целом лишь в середине 1970-х гг. За двадцать лет после войны совокупная площадь колоний уменьшилась с 37 до 6 млн кв. км, а численность их населения – с 660 до 36 млн человек [Рымалов, 1966, с. 40]. Независимость получили около 60 колоний.

Актуальность тематики колониализма в целом и деколонизации в частности растет в современной мировой науке в связи с продолжающимся упадком нации-государства в эпоху глобализации (см., в частности: [Наумкин, 2014]). Все больший интерес вызывают, с одной стороны, организационные формы, предшествовавшие нации-государству (включая империи), с другой – процессы, в ходе которых нации-государства или схожие с ними формы (в том числе деколонизация) рождались. Цель настоящей статьи – кратко рассмотреть предпосылки и этапы деколонизации, выделить ее основные модели и схемы осуществления в разных колониальных империях.

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ

Распаду колониальной системы содействовал целый ряд факторов. Все они взаимосвязаны, но среди них можно выделить внутренние для колониальных империй и внешние¹. И в той, и в другой группе факторов присутствовали как (социально)-экономические, так и политические.

Внутренние факторы относились к функционированию самих империй.

Во-первых, это относительное экономическое и военно-политическое ослабление метрополий, которое началось в первой половине XX в., а корнями уходит в последнюю треть XIX в., когда стало ослабевать промышленное могущество Великобритании.

¹ Конечно, среди внутренних факторов были специфические для каждой империи в отдельности, но речь идет о факторах, общих для всех империй.

Во-вторых, это обратно пропорциональное предыдущему процессу усиление экономических позиций национального предпринимательства колониальных стран. Так, если в 1896 г. индийские текстильные фабрики удовлетворяли потребности своей страны лишь на 8%, то к 1945 г. – на 75% [Ferguson, 2003, p. 217, n. 1]. Под прямым воздействием колониализма в афро-азиатском мире шло формирование новых элит – предпринимателей, управленцев, крупных землевладельцев, которые все больше тяготились властью заморской метрополии. Этот процесс сопровождался ростом влияния в широких слоях населения политических партий и организаций, которые выражали интересы элит; он означал рост возможностей этих партий мобилизовать население на различные формы антиколониального протеста. Степень национального самосознания населения колоний в целом была прямо пропорциональна силе местных элит и национального капитала.

В-третьих, обострение противоречия между демократической системой большинства метрополий и автократической системой управления колониями (хотя в ряде стран последняя уже подверглась к середине XX в. частичной либерализации посредством проведенных властями реформ). Причиной этого обострения был дальнейший подъем массового общества в странах Европы и национального самосознания в колониях. Правящим кругам империй становилось все труднее оправдывать “двойной стандарт” управления, что вело к политическим уступкам национальным силам.

В-четвертых, непрерывный рост расходов колониальных империй на содержание аппарата управления (администрация) и принуждения (полиция, армия). В условиях нарастания экономических трудностей метрополий и все более активного давления на власти со стороны национальных сил содержание колоний становилось все более дорогостоящим.

Не менее важна группа внешних факторов.

Во-первых, подъем двух сверхдержав XX в. Обе геополитические силы, которые все больше определяли развитие мира, – США и СССР – выражали отрицательное отношение к колониализму, пусть с разных позиций и в разной степени. В 1918 г. президент США В. Вильсон выдвинул идею права наций на самоопределение. Бурно развивающаяся американская промышленность нуждалась в рынках сбыта и источниках сырья, а существование обширных колониальных империй с их протекционистскими экономическими барьерами хотя и не блокировало, но серьезно затрудняло доступ американскому капиталу на рынки колоний. Еще более враждебный колониализму курс проводил Советский Союз, идеология которого имела резко антиколониальную направленность (признание права наций на самоопределение было включено В.И. Лениным в проект программы РСДРП еще в 1902 г.) и который уже имел длительный опыт подрывной борьбы с колониализмом с помощью Коминтерна (1919–1943).

Во-вторых, неблагоприятные для колониализма процессы в мировой экономике. В промышленно развитом мире росло использование искусственных заменителей многих видов природного сырья, которое делало выкачивание последнего из афро-азиатского мира все менее рентабельным. Это синтетические и искусственные волокна, пластические материалы, искусственный каучук и др. Так, в начале 1960-х гг. удельный вес синтетических и искусственных волокон в текстильной промышленности Запаदा составил более трети [Рымалов, 1966, с. 114]; в 1964 г. производство искусственного каучука в капиталистическом мире превысило добычу натурального каучука.

В-третьих, развитие военной техники, в частности авиации, а затем создание ядерного оружия, которое вело к падению значения стратегических колоний, важных в эпоху океанских флотов.

Вторая мировая война резко усилила интенсивность воздействия всех этих факторов, ускорив распад колониальной системы. Военные действия на территории Франции и Нидерландов, их поражение от Германии, удивительно (для европейских держав) легкий захват Японией всех колоний в Восточной и Юго-Восточной Азии (британские

Гонконг, Малайя, Сингапур и Бирма, Нидерландская Индия, а также подконтрольный вишистскому режиму Французский Индокитай, который в конце войны подвергся прямой оккупации) серьезно ослабили колониальные империи в промышленном, финансовом, военном отношениях. Резко вырос их внешний долг, сократились производство, экспорт, торговый флот. Британскому правительству в 1949 г. пришлось провести девальвацию, а в 1951 г. оно столкнулось с кризисом платежного баланса. Кроме того, в годы войны случилось то, чего колониальные державы всегда стремились не допустить буквально любой ценой: непоправимо пошатнулся престиж их власти в глазах населения зависимых территорий. Капитуляция перед врагом колониальных властей, а то и самих метрополий развеяла у народов колоний миф о непобедимости белого человека. При этом захват колоний в Юго-Восточной Азии азиатской же державой (Японией) убеждал их жителей, что они могут взять свою судьбу в собственные руки и добиться освобождения сами. Более того, в годы сопротивления японской оккупации в ряде стран региона возникли боевые организации, которые получили опыт ведения современной (партизанской) войны и при желании могли обратить его против прежних колонизаторов (Хукбалахп на Филиппинах, Вьетминь во Вьетнаме, Бирманская национальная армия, Индийская национальная армия С.Ч. Боса – отчасти, так как после войны она была расформирована).

Во время Второй мировой войны еще более, чем в ходе Первой, произошло ослабление экономических связей колоний с метрополиями. Еще более, чем тогда, это содействовало росту национального предпринимательства, особенно в Индии, где позиции торгово-ростовщических групп (каст) были исходно сильными, а индустриализация началась уже в середине XIX в. К тому же срочная и небывалая по масштабам мобилизация материальных и людских ресурсов, включая организацию общественных работ для обеспечения фронта сырьем (таких как принудительный труд крестьян в Нигерии на добыче олова), ускоряла ломку традиционных социально-экономических отношений.

С этим связан рост национального самосознания колониальных подданных. Война резко расширила их политический кругозор. Едва ли можно переоценить и то, что Британии и Франции в условиях борьбы с нацизмом и фашизмом пришлось ослабить идейные основы своей власти в колониях, сделать акцент на демократических идеалах и на общности интересов колонизаторов и подданных. В этих обстоятельствах сохранять лояльность подвластного населения, управляя прежними методами, объективно оказывалось все труднее. Средства, при помощи которых британцы мобилизовали огромные ресурсы на военные нужды (т.е. обещания дальнейших реформ), породили у населения колоний столь большие социальные и политические ожидания, что империи так и не удалось их оправдать: в конечном счете ценой обороны Британской империи во Второй мировой войне оказалась сама империя [Jeffery, 1999, p. 327].

В некоторых колониях и зависимых странах в годы войны произошел всплеск протестных настроений, что заставило власти в условиях военного времени прибегнуть к беспрецедентным мерам их подавления. Это массовые репрессии против организованного Индийским национальным конгрессом (ИНК) движения “Вон из Индии!” в 1942 г., свержение британским послом М. Лэмпсоном в фактически оккупированном Британией Египте правительства этой страны в том же году и др. Более того, восстание индийских экипажей эскадры в Бомбее в 1946 г. показало, что британцы больше не могут безоговорочно полагаться на индийскую армию. Все это удорожало содержание империи сверх разумной меры.

Именно Вторая мировая война окончательно превратила в сверхдержавы США и СССР – внешние силы, враждебные колониализму. Статья 3 англо-американской Атлантической хартии 1941 г., которая утверждала “право всех народов выбирать форму правления”, показывает, что США прямо поставили условием своей военной помощи загнанной немцами в угол Британии демонтаж ее колониальной империи. В 1945 г.

принцип самоопределения народов был зафиксирован в Уставе ООН. США культивировали свой образ поборника демократии, страны, которая некогда сама избавилась от колониальной власти, что не могло не влиять на общественную мысль колониальных стран в определенном направлении. Американский капитал не преминул воспользоваться трудностями европейского капитала в колониях для дальнейшего проникновения туда, а в ходе операции “Факел” американские войска побывали в Марокко и Алжире, наглядно продемонстрировав мощь освободившейся колонии.

В советской историографии в объяснении причин кризиса колониальной системы роль ликвидации монопольного положения империализма в мировой экономике и политике были склонны переоценивать. Однако послевоенный престиж Советского Союза как державы-победительницы и создание им в результате войны основ мирового социалистического лагеря, в том числе в Азии, в самом деле были далеко не последними факторами ослабления колониализма. Здесь роль играли как демонстрационный эффект независимой от Запада могущественной социально-экономической системы, так и активная внешняя политика СССР в афро-азиатском мире с ее антиколониальной направленностью. В ряде колоний, прежде всего в Африке, метрополии поторопились с независимостью, чтобы не допустить полевения национальных сил.

Что касается перехода к заменителям природного сырья, процесс их изобретения и производства получил значительный импульс в условиях военного времени ввиду затрудненности торговых связей промышленного мира с колониями или утраты ряда самих колоний.

Таким образом, империи все больше становились для своих метрополий “предметами роскоши” и все меньше приносили действительную экономическую выгоду. После войны колониальная система оказалась зажата между Сциллой наступившей в капиталистическом мире американской гегемонии и Харибдой мирового лагеря социализма.

Причины деколонизации – одна из центральных проблем в объемном корпусе работ по данной теме. Большинство представителей исторической науки самих освободившихся стран Азии и Африки в объяснении причин деколонизации склонны отдавать приоритет национально-освободительному движению². То же характерно для советской науки, но здесь в качестве второго ключевого элемента фигурировала политика мирового лагеря социализма³. В российской историографии выделяются работы Г.К. Широкова: рассматривая весь спектр причин деколонизации, он отводил ключевую роль экономическим факторам, убедительно показав, что ко времени Второй мировой войны значение периферии капиталистической системы (включая колонии) во внутреннем воспроизводстве метрополий непрерывно уменьшалось [Широков, 1995; Широков, 2010].

Развитие западной историографии деколонизации прошло через ряд этапов. Вначале, в конце 1940-х – 1950-е гг., писавшие о конце империй авторы, особенно представители метрополий, имели тенденцию объяснять предоставление независимости главным образом их политической волей⁴. В 1960-е гг. подход стал более взвешенным,

² Например: [Kiwanuka, 1973; Poesponegoro, Notosusanto, 1993; Тхакур, 1959]. Однако и в ряде влиятельных западных работ фактор афро-азиатского национализма (а также социалистической идеологии) акцентирован как предмет отдельного исследования или даже выделен как основная причина деколонизации. Подробно см.: [Grimal, 1965; Hargreaves, 1988; Lowe, 2009].

³ См.: [Васильева, 1958; *Распад Британской империи*, 1964; Черкасов, 1985].

⁴ При этом либерально настроенные авторы объясняли (хотя бы частично) деколонизацию выполнением колониальной державой (Британией) своей цивилизаторской миссии (напр.: [Burt, 1956]). Консерваторы, напротив, с горечью писали о предательстве части правящих кругов метрополии [Reid, 1947]. Правда, в голландских работах этого времени подчеркивается внешний фактор – давление международного сообщества, прежде всего сверхдержав, которое свело на нет успех “полицейских акций” Нидерландов в Индонезии [*Nederlanders over de zeeën*, 1955].

историки начали выделять другие, “объективные” факторы⁵, а с 1970-х гг. все решительнее пробивало себе дорогу стремление объяснить деколонизацию сложным взаимодействием и переплетением различных факторов (упадка метрополий, подъема национальной борьбы, позиции сверхдержав как “деколонизаторов”), среди которых едва ли возможно выделить первостепенный, и лишь в отдельных случаях на первый план ситуационно выступал какой-то конкретный фактор, действовавший при сложившемся стечении обстоятельств⁶. Наконец, в последнее десятилетие появились обобщающие работы, которые трактуют деколонизацию через логику развития мирового капитализма [Tarling, 2004], а также дают историографический обзор подходов [Cooper, 2005]. Любопытно, что англоязычная историография совершила круг: среди работ последних лет есть такие, в которых акцентируется планомерный уход британцев из колоний на своих условиях [Grob-Fitzgibbon, 2011]. Западные экономисты и политологи подходили к проблеме деколонизации несколько по-другому, акцентируя собственные “предметы ведения”⁷.

ЭТАПЫ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ

В деколонизации можно выделить три основных этапа. Первый пришелся на вторую половину 1940-х – первую половину 1950-х гг., второй – на конец 1950-х – 1960-е гг., третий – на середину 1970-х. Конечно, отдельные колонии существовали и после этого времени (Намибия, Гонконг, Макао), не говоря о ряде мелких (подчас стратегически важных) заморских территориях, однако в целом процесс деколонизации к указанному моменту завершился.

Прологом к деколонизации можно считать обретение независимости французскими подмандатными территориями Сирией и Ливаном, которые получили ее еще в разгар Второй мировой войны. Это было связано сначала непосредственно с войной, а затем с англо-французскими противоречиями. Незадолго до падения вишистской администрации в Сирии и Ливане комитет “Свободная Франция” Ш. де Голля обещал населению предоставить после войны независимость, в чем был поддержан Британией. Однако свое обещание он выполнил раньше, в 1943 г., чтобы обратить вспять уже начинавшееся в этих двух странах Леванта ползучее установление британского контроля.

Начало первого этапа деколонизации можно датировать самым концом войны, августом–сентябром 1945 г., когда лидеры национальных сил двух других стран – Индонезии и Вьетнама – сами провозгласили их независимость (Сукарно в Джакарте, Хо Ши Мин в Ханое) в условиях поражения оккупировавшей их Японии и возникшего политического вакуума. Однако в обоих случаях метрополии не смирились с волеизъявлением национальных сил. Во Вьетнам вернулись французские войска и администрация, в Индонезию – голландские.

Характерно, что руководство образовавшейся на севере Вьетнама Демократической республики Вьетнам (ДРВ) во главе с коммунистами рассчитывало на поддержку США против притязаний старой колониальной державы. Американцы оказались перед дилеммой: либо деколонизация, но при этом дальнейшее укрепление позиций коммунистов во Вьетнаме, либо поддержка Франции как колониальной державы, но при этом противодействие распространению “красной заразы”. Не отказываясь от риторики самоопределения, США в условиях начинавшейся холодной войны выбрали второе.

⁵ Так, Дж.М. Ли делает акцент не только на событиях в метрополии, но и на изменениях в международном порядке [Lee, 1967]. С. Истон объясняет деколонизацию прежде всего давлением двух сверхдержав [Easton, 1960]. К. Янг особо отмечает “подъем мирового мнения” [Young, 1970].

⁶ Количество публикаций по этой теме огромно. Вот лишь некоторые: [Ageron, 1990; Burgers, 2010; Darwin, 1988; Holland, 1992; Porter, Stockwell, 1987; *The Transfer of Power in Africa...*, 1988; Woodcock, 1974].

⁷ Примеры экономического объяснения распада колониальных империй: [Baran, 1957; Cain, Hopkins, 2001]. Работы с политологическим уклоном: [Kahler, 1984; Murphy, 1995].

Этой модели они следовали и в других владениях колониальных держав. При этом, поддерживая эти державы против левых сил, американцы фактически проводили курс на вытеснение европейцев из колоний, замену их интересов собственными.

Колониальные войны Франции во Вьетнаме (1946–1954) и Нидерландов в Индонезии (1947–1949) окончились поражением метрополий. Во Вьетнаме укрепились ДРВ, в Индонезии после неудачного федеративного эксперимента в 1950 г. возникла унитарная Республика Индонезия. У обеих стран путь к независимости после войны был хотя и кровавым, но относительно коротким: метрополии, даже вернув войска и чиновников, были уже не в состоянии восстановить контроль над их обществами целиком. То же правомерно в отношении Филиппин, которым США предоставили независимость уже в 1946 г.

Центральным событием первого этапа деколонизации, безусловно, было предоставление Британией независимости Индии, которая в демографическом и территориальном отношении была крупнейшей зависимой территорией⁸ в истории колониализма. Южная Азия была ядром Британской империи с конца XVIII в., владение ею долгое время приносило метрополии колоссальные экономические и геополитические выгоды. Их ценность стала уменьшаться после Первой мировой войны, а в годы Второй мировой практически сошла на нет. После серии сложных переговоров британских властей с основными национальными силами (ИНК, Мусульманская лига) в августе 1947 г. произошел раздел Индийской империи на два доминиона – Индийский Союз и Пакистан.

В 1948 г. статус доминиона был предоставлен Цейлону, Бирма сразу стала республикой, а на бывшей территории британской подмандатной Палестины образовалось государство Израиль, хотя он независимость получил не из рук британцев, которые, отчаявшись разрешить во многом ими самими раздутый арабо-израильский конфликт, передали вопрос в ООН. К 1951 г. относится предоставление независимости Ливии, в ходе войны поделенной между британцами и французами. В том же году получила непоправимый удар “неформальная империя” Британии на Ближнем Востоке, когда правительство Ирана национализировало нефтяные месторождения своей страны, с начала века находившиеся в распоряжении Англо-иранской нефтяной компании; свержение премьер-министра М. Мосаддыка через два года не вернуло прежней ситуации, а укрепило позиции американских энергетических компаний в Иране. В 1953 г. Франция в условиях затяжной вьетнамской войны сочла лучшим признать независимость Камбоджи и Лаоса.

К середине 1950-х гг. политическую независимость обрели большинство колоний европейских держав в Азии. Центр тяжести колониальной системы переместился в Африку.

Второму этапу деколонизации предшествовал период затишья национально-освободительной борьбы и актов передачи власти, когда значительная часть правящих кругов колониальных империй не считала дальнейшее предоставление независимости делом близкого будущего, относя его на более или менее отдаленный срок. Затишье борьбы было связано с тем, что к 1950 г. освободились те колонии, которым еще до войны метрополии предполагали предоставить в обозримом будущем самоуправление или которые оказались в состоянии добиться ее сразу после войны. В остальных колониях формирование антиколониальных интересов и их артикуляция запаздывали, что было связано с замедленностью социально-экономических и социально-политических процессов в этих странах по сравнению со странами первой волны деколонизации.

⁸ Юридически она была не колонией, а Индийской империей (1877–1947) во главе с британским королем-императором / королевой-императрицей. К слову, в отличие от Индии, кайзеровской Германии или Российской империи *British Empire* юридически никогда не была империей.

К этому времени – 1940–1950-е гг. – относятся государственные программы значительных инвестиций Британии и Франции в экономику своих колоний, прежде всего африканских, с целью поднять их сельское хозяйство, добывающую промышленность, образование, с тем чтобы они служили метрополиям опорой перед лицом обогнавших их мировых промышленных гигантов. В Британии была принята серия Актов о колониальном развитии, во Франции в 1946 г. приняли десятилетний план развития каждой колонии. Одновременно предполагалось подготовить местные элиты к передаче власти, но не просто так, а путем их длительного “обучения”. Частичная стабилизация колониальной системы была связана и с позицией США: в условиях холодной войны те временно приглушили антиколониальную риторику, чтобы не допустить чрезмерного для их интересов ослабления союзников по НАТО.

Однако во второй половине 1950-х гг. центробежные процессы добрались и до “второго эшелона” колониальной системы. При этом национально-освободительное движение в африканских колониях подстегнул (помимо прочих факторов) сам факт деколонизации колоний азиатских⁹ (как это произошло “в миниатюре” в рамках Южной Азии). В результате деколонизация обрушилась на империи намного раньше, чем предполагали правящие круги метрополий. На втором этапе она еще более носила кумулятивный характер: предоставление независимости одной колонии давало стимул другим требовать того же и одновременно делало для метрополии бессмысленным стремление удерживать их, поскольку выпадение одного звена империи нередко обесценивало соседние. Прологом к новому этапу деколонизации послужил Суэцкий кризис 1956 г. Он наглядно продемонстрировал ослабление позиций европейских держав, показал, что те уже не могут действовать на мировой арене самостоятельно, без согласия США. Кризис был спровоцирован выводом британских гарнизонов из Египта и Судана, а привел к уходу британцев из Иордании и падению правительства в Ираке как части британской “неформальной империи”. Показательно, что в следующем после Суэцкого кризиса, 1957 г., США провозгласили доктрину Д. Эйзенхауэра, претендуя вместо Британии на обеспечение региональной безопасности на Ближнем Востоке.

Второй этап деколонизации открылся в 1956 г. отказом Франции от протектората над Марокко и Тунисом, а Испании – над испанской зоной Марокко. Трудно переоценить событие 1957 г. – первое предоставление независимости колонии в Африке южнее Сахары: Золотой Берег стал Ганой. Сам факт получения этой страной независимости и ее путь к ней послужили образцом для многих африканских колоний. В том же году британцы дали независимость Малайе. Французским колониям Африки эталоном в получении независимости послужила Гвинея (1958 г.). 1960 год вошел в историю как “год Африки”, так как независимость получили сразу 17 колоний: вся Французская Западная и Экваториальная Африка, французский Мадагаскар, британские Нигерия и Сомали, бельгийское Конго. Именно в 1960 г. премьер-министр Британии Х. Макмиллан после турне по африканским колониям произнес в парламенте Южно-Африканского Союза знаменитую речь о “ветре перемен”, что было со стороны метрополии декларацией готовности положительно реагировать на требования передачи власти: “Над этим континентом веет ветер перемен. Нравится нам это или нет, этот рост национального самосознания – политический факт”.

В 1954–1962 гг. Франция вела еще одну колониальную войну, на этот раз в географически самой близкой и хронологически первой по захвату (если не считать ряд портов в Индии, которые она вернула в 1954 г.) колонии ее афро-азиатской империи – Алжире. Как и вьетнамская, эта война длилась восемь лет, стоила метрополии больших сил и средств и окончилась ее уходом из страны. В том же, 1962 г., Британия предоставила независимость Танганьике и Уганде, а Бельгия – Руанде и Бурунди. В 1964 г. пришел черед британских колоний на востоке и юге Африки – Кении, Ньясаленда

⁹ См., например: [Birmingham, Chamberlain, Metzger, 1994].

(Малави) и Северной Родезии (Замбии). Дольше других в составе империи находилась частично переселенческая колония Южная Родезия, но, когда стало ясно, что Лондон предоставит независимость только при условии представленности в законодательном собрании большинства населения, правительство белых колонистов приняло одностороннюю декларацию независимости, повторив прецедент тринадцати североамериканских колоний 1776 г. Тот же вопрос межэтнических отношений стал фактором выхода из Содружества в 1961 г. старейшего в афро-азиатском мире британского доминиона – Южно-Африканского Союза.

Третий этап деколонизации пришелся на первую половину 1970-х гг. и был связан с распадом Португальской империи, импульс которому дал нефтяной кризис 1973 г. Уже в следующем году метрополия была вынуждена предоставить независимость Португальской Гвинее (Гвинея-Бисау), а в 1975 г. – Анголе, Мозамбику, Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи и Восточному Тимору.

Завершающими актами деколонизации можно считать независимость Намибии от ЮАР в 1989 г. и возвращение двух небольших анклавов Китаю – британского Гонконга в 1997 г. и португальского Макао в 1999 г.

МОДЕЛИ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ

В деколонизации можно выделить как минимум четыре модели: передача власти конституционным путем через диалог метрополии с национальными общественно-политическими силами (“независимость сверху”), признание метрополией независимости колонии в результате ее вооруженной борьбы (“независимость снизу”), смешанная модель и отвоевание территорий уже бывшей колонией. (В ходе Второй мировой войны произошел распад еще одной колониальной империи – Японской, модель которого представляла собой освобождение японских колоний (Корея, Тайвань, фактически Маньчжурия) военным путем извне, войсками СССР и США.)

Первая модель – поэтапное предоставление независимости сверху в результате последовательных административных реформ – характерна для большинства стран колониальной системы. Во многих из них происходили масштабные протестные движения, имевшие целью давление на колониальные власти (Индия, Бирма; Гана и другие страны Африки). В странах этой модели могли иметь место и вооруженные восстания, но империи, пусть не сразу, успешно справлялись с ними и независимость предоставляли не под угрозой полной утраты контроля, хотя всплеск недовольства учитывали (Мадагаскар – партизанская война 1947–1948 гг., Малайя – восстание коммунистов-китайцев 1948–1960 гг., Кения – восстание Мау-Мау 1952–1956 гг.). И все же в новейшей западной историографии подчеркивается, что особый британский путь деколонизации – миф, так как суровые меры при подавлении восстаний в Малайе и Кении однотипны с колониальными войнами французов и голландцев [Walton, 2013, p. 237].

Вторая модель – “независимость снизу” – была осуществлена в меньшем количестве колоний, но в Нидерландской и Французской империях таким путем освободились их главные, наиболее ценные владения – Нидерландская Индия (Индонезия), французские Вьетнам и Алжир. Метрополии в этих случаях не только грубо просчитались в оценке степени приемлемости своей власти, но и упорно пытались восстановить ее военными средствами, что было контрпродуктивно. К этой же модели можно отнести британскую подмандатную Палестину, где в середине 1940-х гг. конфликт между арабами и евреями вышел из-под контроля колониальных властей. В истории Британской империи это единственный случай, когда британцы, играя на противоречиях двух этнорелигиозных общин, обыграли сами себя. К модели “независимость снизу” относится и деколонизация Адена, откуда британцев в 1967 г. буквально выдавили левые повстанцы и те спешно ушли без какой-либо передачи власти.

Третья модель – смешанная – представляет собой сочетание первых двух. К ней можно отнести португальские колонии в Африке, где организованное левыми пар-

тиями вооруженное сопротивление колониальному правлению началось в 1960-е гг. и было упорным, хотя независимость была получена только благодаря смене режима в метрополии – “революции гвоздик” 1974 г. В ту же модель вписывается Кипр, где в условиях террора со стороны организации греков-националистов британцы в 1955 г. были вынуждены ввести чрезвычайное положение по типу Малайи и Кении, а через четыре года сочли за лучшее передать власть киприотам, пока не стал реализовываться палестинский сценарий.

По четвертой модели – отвоевание территорий уже освободившимся государством, причем не у бывшей метрополии – произошла деколонизация португальских владений Гоа, Даман и Диу в 1961 г., когда Республика Индия ввела туда войска и аннексировала их в одностороннем порядке. Эта модель ограничивается одним случаем из-за редкого сочетания: Индия как одна из немногих достаточно сильных стран “третьего мира” и Португалия как наиболее слабая из колониальных держав¹⁰.

На время предоставления каждой колонии независимости влияли несколько факторов: степень развития национально-освободительного движения, налаженность конструктивных связей властей метрополий с местными элитами, степень давления сверхдержав, степень экономической и военной ценности колонии для метрополии. У стран с развитыми формами протеста против колониального правления (будь то кампании гражданского неповиновения, как в Индии, Гане, или масштабная борьба населения с оружием в руках, как в Индонезии или Вьетнаме) было больше шансов получить независимость раньше.

В то же время приходу независимости способствовали тесные связи и взаимопонимание метрополии с национальными силами. Стимулировало деколонизацию и давление одной из сверхдержав, причем оно колебалось исходя из конъюнктуры холодной войны. Так, в годы Корейской войны 1950–1953 гг. США нуждались в поддержке колониальных держав, а по ее окончании, в 1956 г., заняли жесткую позицию в отношении англо-французской агрессии против Египта. В некоторых случаях США и СССР оказывали давление на европейскую державу параллельно (образование Израиля, Суэцкий кризис). Наконец, чем ценнее была колония с экономической точки зрения или чем стратегически выгоднее она была расположена, тем меньше – при прочих равных – у нее было шансов получить независимость скоро (Алжир с его нефтью, Малайя с ее каучуком и оловом, стратегически выгодно расположенные колонии – Кипр, Сингапур, Занзибар, Аден). Однако этот фактор не стоит абсолютизировать, так как в ряде случаев ценность колонии как раз вынуждала колониальную власть идти на уступки национальным силам ради сохранения позиций после независимости (Цейлон, в какой-то мере Малайя).

Важным мотивом, регулировавшим сроки деколонизации Британской империи, был курс метрополии на послевоенную стабилизацию фунта как мировой валюты. В 1950-е гг. финансисты Сити отводили в этом процессе видную роль именно колониям. В 1958 г. полная конвертируемость фунта была восстановлена, после чего в финансовых кругах решили, что британская валюта больше выиграет, если выйдет за пределы стерлинговой зоны. Вместе с ценностью империи для фунта уменьшались и экономические препятствия для деколонизации [Cain, Hopkins, 2001, p. 619–620]. Каскадное предоставление колониям независимости было прямым следствием смены финансового курса. Правда, такой курс закончился чередой кризисов фунта и его девальвацией в 1967 г., но к тому времени большинство британских колоний успели получить независимость.

¹⁰ Вдохновившись примером Индии, Индонезия в том же году попыталась силой отнять у своей бывшей метрополии Нидерландскую Новую Гвинею (позднее известную как Западный Ириан), но получила мощный отпор. Наученная опытом, она применила силу для захвата бывшей колониальной территории лишь после ухода колониальной державы, а именно Португалии, из Восточного Тимора в 1975 г.

Вместе с тем следует учитывать, что часть колониальных элит не всегда стремились получить самоуправление сразу: как и британцы, она порой выступала за постепенность, сознавая трудности на пути государственного строительства, в том числе рождаемые трайбализмом.

СХЕМЫ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ В РАЗНЫХ ИМПЕРИЯХ

При общих для всех колониальных империй причинах и сути деколонизации в разных империях она проходила по-разному. Это зависело от специфики систем управления и отношений метрополий с национальными элитами.

Британская империя была единственной, которая оказалась в состоянии передать власть местным элитам в большинстве случаев эволюционным путем и плавно перетекла в Содружество наций, где бывшая метрополия сохранила часть экономических позиций и политического влияния. Во многом это связано с лежавшим в основе британской колониальной политики принципом опеки, согласно которому метрополия брала на себя роль опекуна политически незрелой, по ее мнению, страны, чтобы содействовать ее развитию и в перспективе, когда та “дорастет”, предоставить ей самоуправление. Только для Британской империи характерна постепенная эволюция административного механизма в сторону увеличения самоуправления. В одних, объективно более развитых колониях (Индия) эта эволюция началась еще в XIX в., в других оказалась “спрессована” в более короткий срок.

Вначале колония, как правило, была коронной, где вся власть принадлежала назначаемому Лондоном исполнительному совету во главе с губернатором. Затем к нему добавляли консультативный законодательный совет. Следующим шагом было включение в этот совет назначаемых представителей коренного населения, а в исполнительный совет – ряда неофициальных членов, пока европейцев. На следующем этапе вводился принцип выборности части членов советов на основе высокого ценза. Со временем выборным членам законодательного совета предоставляли большинство. После этого имперский центр вверял ведущим национальным политикам второстепенные исполнительные должности (как при системе диархии в Индии с 1919 г.). Этот этап назывался “членской системой”, поскольку такие чиновники были известны как “члены (законодательного совета) с особой ответственностью”. Следующим этапом была министерская система, при которой чиновников – выборных представителей национальных сил – вводили в исполнительный совет. На первых порах они составляли в нем меньшинство, но по окончании испытательного срока им позволяли составить большинство (“полуответственное правительство”). Когда выборные члены занимали ключевые посты генерального прокурора, колониального секретаря и министра финансов, формировался полноценный кабинет и губернатор получал из Лондона инструкции следовать совету своих министров, за исключением чрезвычайных случаев (“ответственное правительство”). Губернатор сохранял право приостановить действие принятой конституции, а также ряд полномочий в сфере внешней политики. Когда сам он назначался только после консультации с выборным правительством, достигался статус доминиона – полностью самоуправляющейся страны в рамках империи. Наконец, полная независимость предполагала появление избираемого народом или парламентом главы государства.

Столь детально разработанная схема постепенной передачи власти обеспечила Британии мягкий путь деколонизации и уход из многих колоний на своих условиях. Модель “независимость сверху” была характерна прежде всего именно для Британской империи, “имплантировавшей” в колониях свою вестминстерскую политическую модель. Предоставление колонии статуса доминиона перемещало ее из Британской империи в Содружество наций (которое уже в 1949 г. перестало именоваться Британским, чтобы создать юридическую возможность вхождения в него Индии, готовившейся

стать республикой). На первом этапе деколонизации страной, где передача власти прошла особенно гладко, был Цейлон. Не только миновать статус доминиона, но и вообще выйти из Содружества предпочла тогда Бирма. Поэтому девизом британских губернаторов стало “больше Цейлонов и меньше Бирм” [Louis, 1999, p. 337], что в большинстве случаев удалось воплотить в жизнь. Характерный пример – Малайя, долларовые поступления которой в 1948 г. превышали стоимость промышленного производства метрополии [Walton, 2013, p. 164]. Экспорт каучука и олова Малайи был жизненно важен для стерлинговой зоны, поэтому Британия не могла себе позволить потерять эту страну: восстание китайских коммунистов она жестко подавила, а с лояльными национальными силами договорилась.

Нидерландская и Португальская империи, напротив, распались только после вооруженного сопротивления колониальных народов, не сумев договориться с их элитами (модели “независимость снизу” и смешанная). Жизнеспособного механизма передачи власти они не разработали, как и Бельгийская империя, которая не принимала мер для подготовки местных элит к передаче власти, поэтому всплеск массового недовольства в 1959 г. застал ее врасплох и вынудил дать Конго независимость в кратчайшие сроки в условиях утраты контроля над ситуацией.

Португальская империя распалась последней парадоксальным образом по причине экономической и военно-политической слабости метрополии. Особенностью этой империи называют активное привлечение в колонии иностранного, прежде всего англо-американского, капитала, чтобы крупные державы были заинтересованы в сохранении здесь португальской власти. Этот расчет долгое время оказывался верным. В то же время, не господствуя в экономике собственных колоний, португальцы понимали, что, утратив политическую власть, они потеряют эти страны вообще, поэтому сопротивлялись деколонизации до последней возможности [Хазанов, 1986, с. 45–47]. В 1950-е – начале 1970-х гг. метрополия произвела лишь ряд косметических реформ. Португальская империя была случаем застывшей колониальной структуры, что и стало причиной повсеместного подъема вооруженной борьбы.

Французская империя занимает промежуточное положение между, с одной стороны, Нидерландской и Португальской империями (она не отпустила две свои главные колонии без длительных и упорных войн – “независимость снизу”) и, с другой стороны, Британской (из Западной и Экваториальной Африки и с Мадагаскара французы ушли мирно, договорившись с элитами и во многом сохранив эти страны в сфере своего влияния – “независимость сверху”).

Согласно конституции Четвертой республики 1946 г. Французская империя была переименована во Французский Союз. Хотя критики называли это лишь сменой фасада, данная структура в отличие от Британской империи / Содружества имела свою Ассамблею, где заседали делегаты всех составных территорий. Но французы долго не поощряли политической ответственности в колониях и систематически не готовили представителей местных элит к постепенной передаче власти. На фоне активных политических процессов в британских колониях политическая жизнь французских середины 1940-х – середины 1950-х гг. выглядела застойной. Вместе с тем участие африканских депутатов в работе союзного парламента принесло им ценный политический опыт, который они позднее применили на родине. Важной вехой на пути деколонизации стал принятый Национальной ассамблеей “рамочный закон” 1956 г., по которому Париж ввел всеобщее избирательное право и фактически сделал исполнительные власти колоний ответственными перед их выборными ассамблеями. Этот закон ознаменовал отказ Франции от традиции централизованного управления колониями. Второй этап французской деколонизации наступил после учреждения в 1958 г. Пятой республики. Империя вторично сменила официальное название – на Французское Сообщество, и на этот раз колониям предоставили право выхода. Им сразу воспользовалась Французская Гвинея, примеру которой через два года последовали многие другие территории.

Коренным отличием британского пути деколонизации от французского было то, что комиссии по выработке реформ, как правило, не включали представителей коренного населения, а избирательное право долго было ограниченным, преобладали методы косвенных выборов и практика избирательных курий. Делегаты коренных жителей французских колоний, напротив, входили в парламентские комиссии, участвовали в обсуждении и голосовании, а всеобщее избирательное право французы ввели достаточно рано. В основе разных схем деколонизации империй в конечном счете лежали разные традиции отношений власти и общества в метрополиях, которые были экстраполированы ими на афро-азиатские общества. Если британцы предпочитали держать дистанцию и спускать решения своих комиссий африканцам сверху, то французы создавали условия для (по крайней мере, видимости) равноправного диалога.

* * *

Распад колониальной системы – процесс, скорее плавно затухающий, чем резко обрывающийся каким-то финальным актом, тем более что бывшие метрополии по сей день сохранили небольшие остатки заморских территорий в Атлантике, Вест-Индии, Индийском и Тихом океанах. И все же в целом деколонизация в середине 1970-х гг. завершилась. У нее был целый комплекс предпосылок, которые, действуя в одном направлении, усиливали друг друга, “ускоряя” историческое время и укорачивая жизнь колониальной системы.

В истории деколонизации можно выделить три основных этапа, которые различаются по географии этого процесса и по приоритету приведших к нему факторов. На первом этапе “центром тяжести” деколонизации была Южная и Юго-Восточная Азия, страны которых были в числе наиболее развитых в колониальном мире и испытали непосредственное воздействие Второй мировой войны. На втором этапе “центр тяжести” сместился в британские и французские колонии в Африке, которые “доросли” до деколонизации в значительной степени благодаря инициированному метрополиями интенсивному экономическому развитию 1950-х гг., хотя назвать результаты этой политики контрпродуктивными для метрополий сложно, так как к концу десятилетия они разглядели в уходе из колоний собственный интерес. Не случайно второй этап деколонизации в отличие от первого был по преимуществу мирным, за исключением Алжира, который частично “врос” во Францию благодаря массовой иммиграции европейцев. Третий этап – распад окостеневшей Португальской империи.

Представленная в статье типология моделей деколонизации подтверждает тезис о комплексности ее предпосылок, при которой на первый план в разных странах и в разное время выходили различные факторы. Наконец, взгляд на схемы (сценарий) деколонизации в разных империях позволил выделить закономерности этого процесса, характерные для каждой империи; конечно, были при этом и исключения из правил.

Говоря о деколонизации, имело бы смысл, следуя примеру известного британского медиаинтеллектуала и исследователя империй Н. Фергюсона, подвести краткий “балансовый отчет”, плюсы и минусы колониализма для афро-азиатского мира. Однако по экономической составляющей колониализма и его социальным последствиям это в целом сделано в другой публикации (см.: [Фурсов, 2010, с. 40–42]). Добавлю лишь, что позиции, занятые в экономике “третьего мира” благодаря колониализму, облегчили Западу возможность создать там после деколонизации офшорные зоны, которые стали исключительно важным механизмом неоколониализма и позволяют вывозить из развивающихся стран, прежде всего африканских, огромные капиталы [Шэксон, 2012].

Что касается политической составляющей, то главным положительным наследием колониальной системы можно считать распространение европейской модели политического устройства с ее разделением властей, верховенством закона и феноменом политических партий как средством выражения интересов групп населения. В отрица-

тельную сторону баланса следует записать прежде всего искусственное расчленение имперскими границами многих этносов, которое после деколонизации привело к многочисленным территориальным конфликтам.

Была ли деколонизация прогнозируемым процессом и если да, то насколько? Пожалуй, явно прогнозируемой она была только в Индии, в отношении которой британцы уже после Первой мировой войны (с введением диархии) начали проводить, пусть медленный, курс на предоставление в более или менее обозримом будущем статуса доминиона (индианизация аппарата управления и отчасти армии, конституция 1935 г. и т.д.), что во многом было связано с уменьшением экономической ценности страны для метрополии¹¹. Однако, как отмечалось выше, Вторая мировая война стала тем непредвиденным для многих фактором, который резко приблизил передачу власти национальным силам. Обретенная независимость Индии сделала вполне предсказуемой независимость других стран Южной Азии, которые получили ее по “цепной реакции” [Сафронова, 2008, с. 627]. Предпосылки освободительных войн во Вьетнаме и Алжире можно было предсказать по недалновидной аграрной политике Франции с XIX в., но их катализатором опять стало ослабление метрополии в мировой войне (включая японскую оккупацию Индокитая). Что касается большинства африканских колоний, то их судьба долгое время, включая 1950-е гг., оставалась неясной, и лишь “снежный ком” центробежных процессов к концу названного десятилетия позволил считать уход колониальных держав вопросом недалекого будущего.

С проблемой прогнозируемости деколонизации связана проблема субъекта прогноза. Естественно, что активные участники процесса (с обеих сторон) были склонны в своих прогнозах приближать или отдалять момент деколонизации, исходя из собственных планов и усилий. “Деколонизаторы” (крупный капитал Индии, коммунистические партии Востока, сверхдержавы и другие силы, включая лейбористское правительство Британии, – все в разной степени) имели тенденцию предсказывать относительно скорый уход колонизаторов, тогда как те, кто им сопротивлялся, надеялись затормозить, а может, и заморозить данный процесс.

Это выводит нас на еще одну проблему – управляемости / стихийности деколонизации. В какой степени процесс обретения независимости афро-азиатскими странами сознательно направлялся элитами (метрополий и колоний), а в какой степени происходил под воздействием объективных социально-экономических факторов, мировой войны, стихийных выступлений народных масс, атмосферы антиколониальных настроений в послевоенном мире? Многие либеральные западные историки склонялись к первому объяснению (при маргинальной или ничтожной роли второго), марксисты и националисты – как правило, к сочетанию первого со вторым. Ответ на этот вопрос требует углубления исследований, особенно учитывая роль неформальных объединений представителей имперских элит (таких как Группа Милнера в Британской империи).

Как показала дальнейшая история, деколонизация в значительной степени оказалась сменой методов эксплуатации Западом афро-азиатского мира и плавно перешла в глобализацию, послужив одной из ее предпосылок. “Стряхнув” с себя колонии, Запад продолжает эксплуатировать эти страны (в разной степени), не неся больше ответственности за управление ими. Избавление от колониальной системы внесло весомый вклад в новый экономический рывок Европы. Что касается бывших колониальных и полуколониальных стран, то элиты некоторых из них сумели воспользоваться приобретениями (полученной независимостью и положительными аспектами экономического и социально-политического наследия колониализма) и постепенно сами стали

¹¹ Не случайно еще в 1924 г. увидела свет книга Э. Картхилла [Carthill, 1924]. Автор настаивал, что растущая демократизация политической жизни Британии вскоре приведет к независимости ее крупнейшей колонии. Кстати, по мнению чиновника Индийской гражданской службы либерального историка сэра Пендерела Муна, Британии следовало “отпустить” Индию уже на рубеже 1920–1930-х гг., избавив ее (и себя) от многих грядущих тягот [Moon, 1999, p. 1187].

субъектами глобализации наряду с элитами западных стран, наращивая свое экономическое присутствие в “третьем мире” и даже на Западе. Подчеркну, что это относится лишь к немногим странам (Индия, Малайзия и некоторые другие), тогда как надежды большинства стран на деколонизацию как залог светлого будущего не оправдались.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильева В.Я. *Распад колониальной системы империализма*. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Наумкин В.В. Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств // *Восток (Oriens)*. 2014. № 4.
- Распад Британской империи* / Под ред. А.Г. Милейковского. М.: Наука, 1964.
- Рымалов В.В. *Распад колониальной системы и мировое капиталистическое хозяйство*. М.: Мысль, 1966.
- Сафронова А.Л. Шри-Ланка (Цейлон) // *История Востока*. Т. 6: *Восток в новейший период (1945–2000 гг.)*. М.: Вост. лит., 2008.
- Тхакур К.К. *Бхарат мен ангрэзираджьяке до саувари* (Двести лет английского правления в Индии). Дели: Адарш хинди пустикалай, 1959 (на хинди).
- Фурсов К.А. Имперская экономическая политика в Русском Туркестане и Британской Индии: сходства и различия // *Восток (Oriens)*. 2010. № 6.
- Хазанов А.М. *Крушение последней колониальной империи: Португалия и ее бывшие колонии в Африке*. М.: Мысль, 1986.
- Черкасов П.П. *Распад колониальной империи Франции: кризис французской колониальной политики в 1939–1985 гг.* М.: Наука, 1985.
- Широков Г.К. Колониальная система // *Восток (Oriens)*. 1995. № 6.
- Широков Г.К. Экономические причины распада Британской империи // *Британская империя в XX веке* / Ред. А.М. Пегушев, Е.Ю. Сергеев. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2010.
- Шэксон Н. *Люди, обокрашившие мир. Правда и вымысел о современных офшорных зонах*. М.: Эксмо, 2012.
- Ageron Ch.-R. (dir.) *Histoire de la France coloniale*. P.: Armand Colin, 1990.
- Baran P. *The Political Economy of Growth*. N.Y.: Monthly Review Press, 1957.
- Birmingham D., Chamberlain M., Metzger Ch. *L'Europe et l'Afrique de 1914 à 1970*. P.: SEDES, 1994.
- Burgers H. *De garoeda en de ooievaar: Indonesië van kolonie tot nationale staat*. Leiden: KITLV Uitgeverij, 2010.
- Burt A.L. *The Evolution of the British Empire and Commonwealth from the American Revolution*. Boston: D.C. Heath, 1956.
- Cain P.J., Hopkins A.G. *British Imperialism, 1688–2000*. L. etc.: Pearson Education, 2001.
- Carhill A. *The Lost Dominion: The Story of England's Abdication in India*. L.: Blackwood, 1924.
- Cooper F. *Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History*. Berkeley etc.: University of California Press, 2005.
- Darwin J. *Britain and Decolonisation: The Retreat from Empire in the Post-war World*. N.Y.: St. Martin's Press, 1988.
- Easton S.C. *The Twilight of European Colonialism: A Political Analysis*. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1960.
- Ferguson N. *Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power*. N.Y.: Basic Books, 2003.
- Grimal H. *La décolonisation, 1919–1963*. P.: Armand Colin, 1965.
- Grob-Fitzgibbon B. *Imperial Endgame: Britain's Dirty Wars and the End of Empire*. Houndmills etc.: Palgrave Macmillan, 2011.
- Hargreaves J.D. *Decolonisation in Africa*. L.–N.Y.: Longman, 1988.
- Holland R.F. *European Decolonization, 1918–1981: An Introductory Survey*. L: Macmillan, 1992.
- Jeffery K. The Second World War // *The Oxford History of the British Empire: Vol. IV: The Twentieth Century* / Ed. by J.M. Brown and W.R. Louis. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1999.
- Kahler V. *Decolonization in Britain and France: The Domestic Consequences of International Relations*. Princeton: Princeton University Press, 1984.
- Kiwanuka S. *From Colonialism to Independence: A Reappraisal of Colonial Policies and African Reactions, 1870–1960*. Nairobi etc.: East African Literature Bureau, 1973.
- Lee J.M. *Colonial Development and Good Government: A Study of the Ideas Expressed by the British Official Classes in Planning Decolonisation, 1939–1964*. Oxford: Clarendon Press, 1967.
- Louis W.R. The Dissolution of the British Empire // *The Oxford History of the British Empire: Vol. IV: The Twentieth Century* / Ed. by J.M. Brown & W.R. Louis. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1999.
- Lowe P. *Contending with Nationalism and Communism: British Policy towards Southeast Asia, 1945–1965*. Houndmills etc.: Palgrave Macmillan, 2009.

- Moon P. *The British Conquest and Dominion in India: Part Two: 1858–1947*. New Delhi: India Research Press, 1999.
- Murphy P. *Party Politics and Decolonization: The Conservative Party and British Colonial Policy in Tropical Africa, 1951–1964*. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Nederlanders over de zeeën. 350 Jaargeschiedenis van Nederlandbuitengaats / Onder red. van H.J. de Graaf*. Utrecht: Uitgeversmaatschappij W. de Haan, 1955.
- Poesponegoro M.D., Notosusanto N. *Sejarah nasional Indonesia*. Jilid VI. *Zaman Jepang dan zaman Republik Indonesia* (Национальная история Индонезии. Т. VI. Период японской оккупации и период Республики Индонезии). Jakarta: Balai Pustaka, 1993 (на индонез. яз.).
- Porter A.N., Stockwell A.J. *British Imperial Policy and Decolonization, 1938–64*. 2 vols. N.Y.: Macmillan, 1987.
- Reid C.L. *Commerce and Conquest: The Story of the Honourable East India Company*. L.: C. and J. Temple, 1947.
- Tarling N. *Imperialism in Southeast Asia: 'A Fleeting, Passing Phase'*. L.–N.Y.: Routledge, 2004.
- The Transfer of Power in Africa: Decolonization, 1940–1960 / Ed. by P. Gifford and W.R. Louis*. L.: Yale University Press, 1988.
- Walton C. *Empire of Secrets: British Intelligence, the Cold War and the Twilight of Empire*. L.: Harper Press, 2013.
- Woodcock G. *Who Killed the British Empire? An Inquest*. N.Y.: Quadrangle, 1974.
- Young C. *Decolonization in Africa // Colonialism in Africa, 1870–1960: Vol. II: The History and Politics of Colonialism, 1914–1960 / Ed. by L.H. Gunn and P. Duignan*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.